

Н. Н. Масленниковой (эта работа упомянута в дополнительном списке литературы, но, как и другие, не использована во втором издании книги), то она нашла бы там несравненно более серьезные аргументы против сближения Хронографа и послания Филофея, чем приведенные ею. Как справедливо показала Н. Н. Масленникова, Филофей, вопреки представлениям дореволюционных и иностранных исследователей, отнюдь не был борцом за обретение «византийского наследства» в конкретном смысле этого слова: он считал, что «греческое царство разорится и не созижеться»; у автора Хронографа, напротив, оставалась надежда на будущее уничтожение «измаилт» и восстановление власти «царя православныя».²⁴

Перечисленные выше исследования советских филологов не только заставляют изменить характеристику и датировку почти всех литературных памятников, разобранных в исследовании Х. Шедер, но разрушают и ту общую схему развития публицистики XV—XVI вв., которая была создана еще в дореволюционной науке и которую полностью воспринимает сама Х. Шедер. Прежде всего теория «Москвы — третьего Рима» вовсе не была краеугольным камнем идеологии Русского централизованного государства: русские государи в XVI в. не ссылались на эту теорию, предпочитая ей легендарную родословную от «Августа-кесаря», изложенную в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы.²⁵ Конечно, послания Филофея, утверждавшие мировое значение Русского государства (но отнюдь не призывавшие к завоеванию всех «христианских царств»), сыграли известную роль в развитии национального самосознания древней Руси. Однако послания эти, как доказал уже В. Малинин, были написаны не ранее первой четверти XVI в. (этот вывод принимает и Х. Шедер).²⁶ Что же представляет собой публицистическая литература, сложившаяся до Филофея, в какой среде и под влиянием каких обстоятельств эта литература возникла? Ставя под сомнение датировку ряда памятников, отнесенных к концу XV в. прежними авторами на основе предвзятых представлений о том, как должна была развиваться «идея самодержавной власти», работы советских филологов позволяют с достаточной достоверностью установить круг памятников, действительно относящихся к этому периоду. Такими памятниками оказываются (после сочинений о Флорентийской унии): «Послание на Угру» (1480) архиепископа Вассиана, декларация о «изначальном» суверенитете, провозглашенная в 1488 г. от имени Ивана III дьяком Федором Курицыным, «Извещение о пасхалии» (1492) митрополита Зосимы и некоторые другие. Памятники эти никак не подтверждают мнения М. Дьяконова и других исследователей о связи русской «идеи самодержавной власти» с византийскими традициями. Никакой роли в формировании идеологии русского самодержавия не играла София Палеолог и ее «византийское наследство»: Иван III и его преемники никогда не ссылались на наследственные права Софии; сама «царегородская царица» не привезла на Русь никаких «преданий византийского двора» и к идеям национальной независимости Руси (освобожде-

²⁴ Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 191, 200—202. Это отличие отметил, помимо Н. Н. Масленниковой, и Д. Стремоухов (D. Streimoukhoff, Moscow the Third Rome. — Speculum, v. XXVIII, N 1, January, 1953, стр. 97, прим. 72), работа которого тоже приводится Х. Шедер в дополнительном списке, но не используется в тексте.

²⁵ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 104.

²⁶ Дополнительную аргументацию в пользу этой датировки см.: Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе, стр. 190—192.